

Младенец и черт

Автор:

Борис Акунин

Младенец и черт

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #1

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «Роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа. «Младенец и черт» – книга, в которой описано начало драматического противостояния российской и германской разведок в Первой мировой войне.

Борис Акунин

Младенец и черт

Июль 1914 года

Эрцгерцог убит

Мировая война начнется со дня на день

Но пока это понимают лишь профессионалы...

Штабс-ротмистр князь Козловский постучал в дверь кабинета слишком громко, а каблуками по паркету отчеканил так, что у генерала на столе задребезжала золоченая ложечка в фарфоровой чашке.

Его превосходительство был переведен в Огенквар[1 - Отдел генерал-квартирмейстера при Генштабе, среди прочего ведавший и военной контрразведкой.] недавно, ранее служил в Департаменте полиции и пока еще не успел сменить чиновничий мундир на военный. Генерал был не в духе и пил черный кофе третий раз за день, что бесполезно для сердца и желудка. А что делать? Из-за выстрела в Сараеве третьи сутки почти вовсе без сна. Спасибо за такое повышение.

В Департаменте полиции, с бомбистами и пропагандистами, было и то покойней.

– Князь, зачем вам шпоры? – спросил его превосходительство, морщась (у него еще и мигрень вступила). – Не в кавалерии служите.

А Козловскому хоть бы что. Видел, что начальство не в расположении, но и усом не повел. Он еще с кадетских времен взял себе принцип: не цукать младших, не вилять хвостом перед старшими.

Перешел сразу к делу.

– Зацепились, ваше превосходительство! Я был прав! Гвардии поручик Рябцев – вражеский агент. Засланный или подкупленный, пока не установлено, ну да это неважно. Важно, что нынче вечером у него назначена конспиративная встреча, предположительно с резидентом!

Начальник брюзгливую мину с лица убрал, глаза так и вспыхнули. Уже совсем другим тоном предложил:

– Садитесь, князь, вам же неловко. Да вы не стесняйтесь, князь, закуривайте. Говорите, встреча с резидентом?

Генерал чаще нужного именовал своего сотрудника сиятельным титулом. Приятно, когда у тебя в подчинении настоящий Рюрикович и можно ему запросто сказать: «Да вы не стесняйтесь, князь» или «Это безобразие, князь».

Штабс-ротмистр, выставив плохо гнущуюся правую ногу, сел к столу, потянул из бювара бумажную папочку.

Его худое, с бравыми копьеобразными усами было бесстрастно, но пальцы подрагивали от возбуждения. Все эти безумные дни в контрразведку чуть не ежечасно названивали от генерал-квартирмейстера, от начальника Генштаба, от военного министра, и всё с одним и тем же: немедленно выявить и обезвредить шпионскую сеть предполагаемого противника. Об исполнении доложить к двадцати ноль ноль, к шести ноль ноль, к полудню.

А как ее выявишь?

Контрразведочное отделение в штатном расписании Генерального штаба имеется, да контрразведки как таковой, считай, нет. Одна бумажная видимость. Столько лет ждали большой войны с немцами и австрийцами, готовились-готовились, а всё одно профукали. Как это у нас обыкновенно и бывает.

Всякий толковый офицер, если превратности карьеры забросили его в контрразведку, норовил при первом же отличии выпросить себе награду – перевод в полк. Оставались одни бестолковые или калеки вроде Козловского. Только и он заделался ловцом шпионов недавно, без году неделя. Рвения у князя пока было много больше, чем опыта.

А враг к войне готовился по-научному, с немецкой основательностью. Только теперь это стало мало-помалу проясняться.

В кабинете у штабс-ротмистра собралась кipa газет, в том числе пожелтевших, десятилетней давности. В каждом номере красным карандашом подчеркнуты соблазнительные объявления: «До 15 тысяч годового дохода могут заработать г.г. офицеры, чиновники и лица, вращающиеся в высших кругах общества, в качестве представителей заграничной фирмы. Офферты с краткой биографией присылать по адресу: Л.Шлезингер, Берлин, 18». «800 барышень и вдов с

приданым до 200 тысяч желают выйти замуж. Жених может быть и без средств. Писать: Л.Шлезингер, Берлин, 18». И прочее подобное. А про адрес теперь доподлинно установлено, что это явочная квартира германской разведки! Сколько «г.г. офицеров, чиновников и лиц из высших кругов общества» за эти годы на удочку клюнуло? Поди-ка выясни к двадцати ноль ноль.

В отдельной папке у князя Козловского подобрался список немецких и австрийских подданных, занимающих важные посты в военной промышленности. Взять одну Путиловскую судостроительную верфь, где снаряжают броненосцы. Директора – герр Бауэр, герр Поль и герр Орловски; начальник отдела военного судостроения Шиллинг; начальник большой верфи Роймер; начальник малой верфи Фент. И повсюду так!

Это еще явные. А сколько скрытых? В одном Петербурге проживает восемьдесят тысяч лиц лютеранского вероисповедания. Большинство из них, конечно, честные люди и патриоты России. Но что такое «большинство», если речь идет о шпионаже?

Теперь, когда муравейник зашевелился, когда дали людей, средства, особые полномочия, каждый день обнаруживались всё новые и новые факты германской предусмотрительности. Вся русская земля оказалась сплошь усеяна тевтонскими драконьими зубами. Просто голова шла кругом.

Утешает только одно, не уставал повторять его превосходительство. У коллег из разведочного отделения ситуация вовсе швах, им на орехи больше нашего достается.

Что можно было сделать за четыре дня, сделано. Прямо 28 июня, через два часа после получения роковой вести из Сараева, отдан приказ о круглосуточной слежке за австрийским и германским военными агентами и кругом их общения. Молниеносно организована (это уж личная заслуга штабс-ротмистра) негласная проверка всех офицеров, кто имеет доступ к секретным сведениям и документам: образ жизни, знакомства, сомнительные привычки, поездки на воды в Баден-Баден да Мариенбад.

За подозрительными установлено наблюдение, и результаты не замедлили себя ждать. Дело тут, конечно, не только в бдительности филеров. Просто вражеские

агенты, в преддверии скорой войны, развили кипучую деятельность, повылезали из нор, будто кроты перед грозой.

– Это какой такой поручик Рябцев? – спросил генерал, жадно глядя в папку.

Поручик был вот какой. Служит младшим делопроизводителем в секретной части Гвардейского корпуса. Собственного состояния не имеет, а живет широко. В апреле проиграл в карты семь тысяч – и ничего, расплатился. Тогда-то и на заметку попал. Так, на всякий случай.

Вчера подслушан странноватый телефонный разговор Рябцева с неизвестным лицом, которое говорило по-русски нечисто и делало таинственные намеки. После этого слежка утроена.

Нынче утром в почтовом ящике Рябцева обнаружена зашифрованная записка. По виду обычная квитанция. А нагнали на свечке – проступили слова: «Сегодня в одиннадцать. Платформа Левашево. Взять всё».

– Левашево это по Финляндской дороге? – уточнил его превосходительство. – Как же, как же, доводилось бывать там на даче у NN, – назвал он по имени-отчеству господина министра внутренних дел. – И не раз.

– Там много у кого дачи, – пожал плечом Козловский, не проявив интереса к высоким знакомствам начальника. – Так что, ваше превосходительство? «Медвежью охоту» прикажете? А может «Волчью»?

В тот же вечер на платформе Левашево...

Его превосходительство санкционировал «Волчью охоту» – арестную операцию самого крупного масштаба, употребляемую для захвата особо важных персон.

Порядок такой: три кольца обложения, в первом и втором только филеры старших разрядов, лучшие из лучших. Выскользнуть невозможно.

«Медвежья» попроще, требует бригады из 10–15 человек. При «волчьей» используется не меньше тридцати. Не жалко, лишь бы Рябцев вывел на резидента. А то, что изменника на дачную станцию вызвал не какой-нибудь посредник, у Козловского сомнений не вызывало. Каков тон записки! «Взять всё». Когда распоряжение отдается даже не повелительным наклонением, а инфинитивом, это уж понимай: наивысшая инстанция командует.

К восьми часам два внешних кольца были расставлены. Внутреннее (сам штабс-ротмистр, и еще семеро надежных молодцов) расположилось на позициях непосредственно вокруг перрона.

Одно из главных качеств, потребных контрразведчику, – терпеливость. С этим у Козловского было неважно. К девяти часам он весь извелся, нефритовый папиросный мундштук прогрыз чуть не насквозь. Курить при этом не курил. Довольно странно было бы, если б из густых кустов, росших сразу за оградой платформы, запахло бы дорогим египетским табаком.

Вечер между тем был волшебный. Хоть и темноватый из-за низкой облачности, но свежий, наполненный ароматами сирени, а незадолго до назначенного randevу на какой-то из окрестных дач красивый баритон стал петь знаменитые арии из опер. Первую Козловский хоть и слышал раньше, но не распознал (с музыкальным образованием у князя было не очень), зато вторая была известна любому гимназисту.

«На призыв мой тайный и страстный о, друг мой прекрасный, выйди на балкон», – самозабвенно выводил неведомый певец.

Пора было и другу прекрасному Рябцеву появиться. Его от самого дома вели четверо агентов. Один протелефонировал с Финляндского вокзала еще полтора часа назад, сказал, что садятся на пригородный. Куда подевались? Тут ехать всего сорок минут.

От нервов штабс-ротмистр всё покачивался с каблука на носок и докачался, подвернул покалеченную ногу. Выматерился, но про себя – шуметь было нельзя. Мимо, в пяти шагах, по дорожке ходили люди. Правда, после десяти часов их стало меньше, разбрелись по своим дачам, чай пить, в лото играть, слушать граммофон. Пускай их поблаженствуют, недолго осталось. Скоро вся мирная жизнь полетит под насыпь, как сорвавшийся с рельсов пассажирский поезд...

Проклятый двойной перелом, память о неудачных скачках, сросся паршиво, с защемлением нерва, и доставлял Козловскому немало скверных минут. Что минут – вместе с коленом хрустнула и переломилась вся его складная, замечательно устроенная жизнь. Полк, золотые товарищи, эх, летние лагеря в Красном Селе, честная кавалерийская карьера...

После того, как медицинская комиссия приговорила лейб-кирасира к полному комиссованию, осталось только прибегнуть к средству, которое Козловский всегда презирал: попросить протекции у родственников. Дядя-сенатор употребил влияние, с кем-то там поговорил, утряс. Выбор предложили удручающий: либо военно-учетный архив – бумажки сортировать, либо контрразведочное отделение Огенквара.

Новая служба оказалась еще хуже, чем про нее рассказывали. Но штабс-ротмистр стиснул зубы и с тем же старанием, с которым в свое время учился вольтижировке и джигитовке, принялся осваивать науку тайной войны. Слава Богу, не дурак и не лентяй, за минувшие полгода постиг многое. А поначалу, смешно вспомнить, багровел, когда приходилось подавать руку осведомителям. Процедура, конечно, неприятная, однако необходимая. Куда ж в контрразведке без этих юрких, жадных до денег господ? А будешь выказывать им презрение – для дела вред. Публика это обидчивая и чрезвычайно мнительная.

Рябцев приехал без двадцати. Оказалось, химичил по дороге, с поезда на поезд перескакивал. Будто от Лучникова и его ребят можно оторваться.

Старший филер Лучников пристроился здесь же, в кустах. Он имел чин фельдфебеля и по субординации состоял у князя в подчинении, но на самом деле, если Козловский чему-то за эти месяцы и научился, то лишь благодаря этому флегматичному скуластому дядьке с обманчиво неторопливыми повадками.

Штабс-ротмистру стало поспокойней. Во-первых, Рябцев нашелся. Во-вторых, Пантелей Иваныч рядом.

– Хорошо бы, чтоб правда резидент, – шепнул Козловский. – Германской разведки. Австрийской – тоже неплохо.

– Кого Бог пошлет, того и возьмем, – философски ответил Лучников. – Объект на выборгском приедет. Больше не на чем – последний поезд.

Предатель Рябцев торчал на одном месте. Закурит папиросу – бросит. Закурит – бросит. Тоже и ему было нервно.

Штабс-ротмистр вновь принялся просчитывать возможные осложнения.

Что если с последнего питерского поезда сойдет слишком много народу, создастся толкучка, а контакт Рябцева с предполагаемым резидентом будет очень коротким? Передаст что-то на ходу, и дело с концом.

На этот случай есть Симанчук. Он скрючился над урной, в пяти шагах от Рябцева. Изображает нищего, выуживает из мусора окурки. Не проглядит.

А если, предположим, у них придумано по-другому? Не резидент выйдет, а, наоборот, поручик в вагон войдет.

Тут предусмотрены три «контролера». Вон они, в железнодорожной форме, сидят поодаль на скамейке, курят. Бригада старшего филера Павликова.

Один для правдоподобности крикнул на «нищего»: исчезни, голодрань. Другой урезонил: чего пристал к человеку, жалко, что ли.

Артисты, подумал князь с почтением. Того же Симанчука хоть в труппу к господину Станиславскому, на какую-нибудь роль из пьесы «На дне».

Загудел приближающийся поезд. Козловский усилием воли изгнал из организма всякое трепетание. Изготовился.

Из вагонов стала выходить публика, в основном отцы семейств, припозднившиеся в своих конторах или засидевшиеся в ресторанах. Немного. И ни один близко от Рябцева не прошел.

Ситуация была непросчитанная. Павликов, командир «контролеров» оглянулся на кусты, но делать нечего – вошли в вагон, уехали. Иначе было бы подозрительно. Уковылял и Симанчук.

Это бы ладно, в кустах и с той стороны, под перроном, людей оставалось достаточно. Но где же резидент?

И Рябцев тоже выглядел обескураженным. Завертелся на месте, зазвенел ножнами сабли. Выражение лица было не разглядеть. Ночной темноты по июльскому времени здешним широтам не полагалось, но небо закрылось тяжелыми, низкими тучами, и вечер получился сумеречный, почти осенний.

Стало совсем тихо.

«Мирно спит за крепкой стеною, объят тишиною, весь наш городок», – душевно выводил где-то в ночи неведомый певец – второй раз, на бис.

– Ишь заливаается, чисто кот-мурлыка на крыше. Сейчас все кошки к ему так и сбегутся, – как ни в чем не бывало прокомментировал Лучников. И тем же тоном прибавил. – А вот и он, лапушка. Дождались.

С путей на перрон ловко вскарабкался человек в темном костюме и шляпке-котелке.

Рябцев к нему так и кинулся. Начался разговор, но голоса приглушенные – не разобрать.

– Жди команды, – шепнул Козловский и осторожно подобрался ближе.

Из-за края платформы высунулся медленно-медленно. Напротив стояла скамейка, закрывала обзор, так что видно было только ноги: начищенные сапоги Рябцева и резидентовы штиблеты с гамашами.

– ...Шутите? – хихикнул поручик. – Там триста листов большого формата. Месяц копировал, а потом еще неделю частями из секретной зоны выносил. Нет, всю папку сразу не вытащу, на пропускном могут остановить. Погубить хотите?

Голос с сильным акцентом сказал:

– Захочу погубить – погублю. От вас самого зависит. Папка мне нужна целиком. И немедленно.

Козловский только головой покачал. Ну, немцы. Могли бы найти резидента, кто по-русски чисто говорит. Ни во что нас не ставят. Ладно, дайте срок.

Рябцев обиженно засопел.

– Коли нужна, выносите сами. А меня увольте.

– Как же я попаду в штаб?

– Не в штаб, не в штаб. – Поручик снова захихикал. – Я всё продумал. Сами войдете, сами найдете, сами возьмете. Ха, стихами заговорил. Вот схемка. – Зашелестела бумага, мигнул луч фонарика. – Тайник обозначен крестиком. Смешно, правда?

– Не пойму. Где это?

Штабс-ротмистру тоже хотелось знать. Он приподнялся на цыпочки, чтоб заглянуть поверх чертовой скамейки, да вот незадача – слишком навалился грудью, скрежетнул пуговицей по пруту решетки.

Звук был не то чтобы громкий. Рябцев на него даже не повернулся. Зато незнакомец в котелке, ни мгновения не мешкая, без единого слова сиганул с платформы на рельсы и исчез.

Выругавшись, Козловский дунул в свисток.

И началось!

Затрещали кусты, загрохотали ступеньки, ночь наполнилась топотом, кряхтением, возгласами.

На перрон с двух сторон, перепрыгнув через ограду, выскочили филеры, схватили окоченевшего Рябцева под руки.

А и шустрый резидент убежал недалеко. Из-под платформы ему под ноги метнулась проворная фигура, еще одна припечатала сверху.

Праз – и поставили голубчика на ноги, подтащили к краю.

Подоспевший Лучников ахнул, увидев, что у арестованного отчаянно работают челюсти, густая черная борода так и колыхается. Пантелей Иванович присел на корточки и попробовал пальцами разжать шпиону зубы, но тот судорожно сглотнул. Сlopал листок, сволочь.

Козловский, как и подобает начальнику, вышел на перрон не торопясь, так что и хромоты было почти незаметно. Внушительно оправил длинные усы. Что перед тем перекрестился и произнес благодарственную Господу молитву, никто из подчиненных не видел.

Всё было отлично.

Арестованного, взятого на платформе, крепко держали под белы руки.

Внизу, над кромкой перрона, торчали три физиономии: одна перекошенная, бородатая, и две усатые, довольные. Молодцы ребята, четко сработали.

Резиденту было объявлено официальным тоном:

– Я – штабс-ротмистр князь Козловский. Если имеете дипломатический статус, объявите о том немедленно. Если вы офицер, назовите имя и чин. Иначе мы поступим с вами, как поступают со шпионом в военное время. Сами знаете, ждать осталось недолго.

Немец заорал:

– Какой такой князь козлов! Что такой «шпион»?! Я честни дачник!

– Ну как угодно. Вам же хуже. Сюда его.

Пока «честного дачника» втаскивали наверх, Лучников виновато доложил:

– Виноват, ваше благородие, не доглядели. Сожрал он бумажку.

Но князя это не опечалило. Ничего. Если надо, Рябцев другую нарисует. А еще лучше – сам отведет к тайнику и объяснит, что за папка такая.

– Гутен аппетит, герр шпион, – весело обратился штабс-ротмистр к немцу. – Бороденку позвольте.

И потянул за растительность.

– Что вы позволяйт! Больно!

Борода не отцеплялась.

– Клей отменный. – Козловский иронически развел руками. – Уважаю германскую основательность. Обыскать.

Сам пока подошел к Рябцеву.

Поручик вел себя противно. Весь дрожал, да еще всхлипывал.

– Что за документ вы скопировали? Триста листов большого формата?

– План... План развертывания... Генеральный... Против Германии...

Козловский присвистнул.

Во всем военном ведомстве нет документа более важного и секретного, чем Генеральный план развертывания войск на случай войны. Там и расположение соединений, и направление ударов, и цифры, и сроки. Лучшие стратеги разрабатывали. Бесценный этот свод по предписанию может существовать лишь в двух экземплярах: один у военного министра, другой у начальника Генерального штаба. Как мог получить доступ к Генеральному плану развертывания Рябцев, малозначительный сотрудник штаба Гвардейского

корпуса? Ладно, это позже. Сейчас нужно было ковать железо, пока не остыло.

– Я искуплю... – лепетал предатель. – Безвыходное положение. Клянусь! Проиграл в карты. Долг чести!

Козловский цыкнул на него:

– Про честь молчали бы. Гвардейский офицер!

– Господин штабс-ротмистр, я правда искуплю! Не передал ведь, только собирался. Я чистосердечно! Могу ли рассчитывать на снисхождение?

Выдержав небольшую, но грозную паузу, князь кивнул:

– Да. Если расскажете всё без утайки, то суда и тюрьмы не будет. Вам позволят застрелиться. Согласно традиций.

Но Рябцев от этих слов не воспрял духом, а напротив съежился.

– А? ...Спа...сибо. Может быть, лучше в тюрьму?

– Ну, если лучше – тогда конечно, – брезгливо пожал плечами Козловский и отвернулся. Интерес к Рябцеву он временно утратил. С этим слизняком трудностей не будет.

Стал приглядываться к резиденту. Тот стоял, разведя руки в стороны, агенты прощупывали швы на его одежде. Лицо, до глаз заросшее бородой (черт ее знает, может и не фальшивой), бесстрастно, но руки выдают-таки волнение: большой палец правой крутит перстень на указательном.

– Что было на схеме, которую проглотил ваш голодный приятель? – спросил штабс-ротмистр у Рябцева через плечо.

– Место, где спрятана папка, – с готовностью ответил тот. – Видите ли, она большая, желтая такая. Я ведь как? Несколько листов перепишу, трубочкой скатаю и за пазуху. Но с территории не вынес, честное-благородное слово. Только из секретной части. Он на меня давил, запугивал, а я всё тянул. Я же

русский офицер...

– Как собирались вынести папку с территории корпусного штаба? – перебил мерзавца Козловский. – Не юлить!

– Слушаюсь. План был такой. Перетащить по частям в тайник, а потом...

Немец, до сей секунды стоявший смирно и беспрекословно выполнявший все распоряжения филеров («Боком!» «Руку вверх!» «Ноги шире!»), взревел от ярости. Рванулся с места, подлетел к Рябцеву и с воплем «Трррус!» вlepил поручику звонкую пощечину. Увернулся от растопыренных рук Лучникова, штабсротмистра оттолкнул плечом и с разбега перемахнул через ограду – прямо в кусты.

Двое филеров кинулись за ним, Козловский дунул в свисток, Лучников закричал ребятам из оцепления: «Не стрелять! Живьем!», а поручик схватился за лицо и завыл.

– Что вы, как девка?! – рявкнул на него князь. – Подумаешь, рана!

На щеке у Рябцева сочилась тонкая царапина. Это резидент его перстнем ободрал, понял Козловский.

Но предатель вдруг схватился за горло, всхрипел и забился в руках у агентов. Сердечный припадок, что ли?

– Яд! – охнул Лучников. – Мгновенного действия! «Ку-ра-ра» называется. Я раз такое уже видал. В пятом году, когда японского диверсанта брали. У него в кольце иголка была. Чиркнул себя по горлу...

А отравленный больше не дергался, повис кулем, только нога еще судорожно скрежетала каблуком по цементу.

У штабс-ротмистра на лбу выступил холодный пот.

– Мерзость какая! Того-то не упустят?

– Не должны, всё обложено. Ну-ка, от греха...

И Лучников побежал по перрону – не в том направлении, куда скрылся резидент, а наискосок, каким-то собственным азимутом.

Козловский – не стоять же на месте – похромал вдогонку.

Сердце так и заходилось от тревоги. Очень уж прыткий попался немец.

Бородатый шпион оказался еще прытче, чем представлялось штабс-ротмистру.

Моментально продравшись через кусты (у преследователей это получилось куда медленней), резидент широкими скачками понесся прямо на второе кольцо оцепления – под фонарем, перегораживая переулок, маячили два агента.

Не тратя времени на предупредительные окрики, они бросились беглецу наперерез. Один прыгнул в ноги, второй хотел завернуть руку.

Только не на того напали. От ножного захвата немец увернулся, да еще успел врезать филеру носком ботинка по виску. Со вторым схватился и вышел из короткой, яростной схватки победителем. Так впечатал противнику лбом в нос, что служивый рухнул без памяти.

На повороте резидента сшиб подножкой агент из третьего кольца. Оба покатались по земле, и снова бородатый поднялся, а филер остался лежать.

Беглец обернулся. На него, отставая шагов на тридцать, неслись Лучников и еще несколько человек. Сзади, припадая на правую ногу и захлебываясь матюгами, попевал штабс-ротмистр.

Одно движение, и резидент исчез за углом.

– Вы двое по забору! – быстро распорядился Лучников. – Вы трое налево! Михалыч, Степа, за мной! Врёт, паскуда, не уйдет!

И точно, не ушел. Недолго довелось побегать шустрому немцу. Путая след, он махнул через штакетник в какой-то сад, перескочил через ограду с противоположной стороны – и угодил прямо на Лучникова со товарищи. Пантелей Иванович всё рассчитал точно, ибо старый коняка борозды не испортит.

Бородач и тут без борьбы не дался. Врезал Михалычу по сопатке, Степу лягнул в неподобное место, но завалили-таки голубя. Забарахтались в траве – упрямый перец-колбаса всё не сдавался.

Поскольку все четверо были люди серьезные, управлялись без криков, без ругани. Из-под забора, где шла баталия, доносилось лишь кряхтение да хриплые выдохи.

Четвертью часа ранее на близлежащей даче

Насчет кота-мурлыки Лучников выразился, конечно, грубо, но в сущности был недалек от истины.

Слушателей было человек двадцать, но пел сегодня Алеша исключительно для Симочки Чегодаевой. Ей посвящались и «Ария Роберта», и «Серенада Смита» (последняя дважды, на бис).

Обожаемая особа почти не поднимала на певца взгляда, но отлично всё чувствовала. Грудь самой милой на свете девушки вздымалась, глаза были затуманены. И это было для Алеши наградой во стократ более драгоценной, чем любые аплодисменты.

Какое все-таки счастье, какой чудесный дар судьбы – голос! Берешь написанную кем-то музыку, не тобою сочиненные слова, наполняешь эти звуки своей силой, своим чувством, и мир вокруг озаряется твоим сиянием, будто ты не смертный человек, а животворное солнце.

С особой страстью, глядя прямо на любимую, Алеша пропел:

Озари стон ночи улыбкой

И стан твой гибкой

Обниму любя!

Она вся так и затрепетала. О, если б это был не журфикс на даче адвоката Лозинского, а девственные джунгли или африканская саванна, где не существует светских условностей и всё покорно закону природы, Симочка сама кинулась бы к нему в объятия! В это мгновение – несомненно!

Того же мнения была и Антония Николаевна, Симочкина мама. Она стояла в кругу знакомых дам и наблюдала за дочерью с всё возрастающей тревогой.

– Как молодой Романов поет – чудо! – сказала мадам Лозинская. – Ужасно мил. А руки, руки! Порхают по клавишам, словно две белые голубки!

Да, чрезвычайно опасен, думала Антония Николаевна. Черный смокинг в сочетании с накрахмаленной рубашкой и белым галстуком всем мужчинам к лицу, а уж этот – просто принц. Опять же баритон. Промедление смерти подобно. Бедная Сима.

Во взгляде, брошенном на дочь, читались сочувствие, но в то же время и твердость.

Извинившись, госпожа Чегодаева подошла к Симе и вывела ее из гостиной на террасу.

– Нам нужно поговорить.

Та, дурочка, смотрела на мать влажными коровьими глазами. Что у нее на уме, догадаться было нетрудно.

– Он тебе не пара, – отрезала Антония Николаевна.

– О чем ты, мама?

– Ты знаешь, о чем. Довольно того, что я загубила свою жизнь, выйдя за красавца, который чувствительно пел под гитару. Не повторяй моих ошибок!

– Я не понимаю...

– Перестань, Серафима! Смотри на меня. – Она взяла дочку за подбородок. – Ты знаешь, что я тебя люблю больше всего на свете?

– Да, мама.

– Ты знаешь, что я желаю тебе одного добра?

– Да, мама.

– Ты понимаешь, что я умнее и опытнее тебя?

Девочка у Антонины Николаевны была неглупая и не без характера. Просто еще совсем молодая.

– Ну тогда слушайся. Твой Алеша Романов мил, ты в него влюблена... Не мотай головой, я всё вижу. Но помни о наших обстоятельствах. – Тут следовало проявить некоторую жесткость, чтоб вернуть Симу с небес на землю. – Тебе нравится жить за Невской заставой, в старом доме с мышами и тараканами? Второй сезон носить то же платье? Ездить на трамвае? Штопать дыры на чулках? Разве не унижительно, что вся приличная мебель у нас с тобой собрана в гостиной, а задние комнаты постороннему человеку не покажешь?

Безжалостное перечисление продолжалось до тех пор, пока туман из Симочкиных глаз окончательно не исчез.

– Ну то-то. – Госпожа Чегодаева погладила дочку по гладкой щеке. – Что твой Романов? Студент. Притом не юрист, не медик, а ма-те-матик. – Она поморщилась. – За душой ни гроша, а когда выучится, будет зарабатывать копейки. Добро б еще из приличной семьи. Сын учительшки. Фи!

– Мама, что ты говоришь! Это низко! – попробовала возмутиться Симочка, но Антония Николаевна срезала ее несокрушимым аргументом.

– Низко жить в убожестве и нищете. Уж мы-то с тобой отлично это знаем. Спасибо твоему папаше, чтоб ему в гробу перевернуться.

– Мама!

– Молчи, дурочка. – Голос матери дрогнул – сердце-то не камень. Госпожа Чегодаева сказала мягче, проникновенно. – Замуж за него выходить глупо. Еще глупее получится, если проявишь слабость. Ты понимаешь, о чем я. Лишь погубишь шансы на хорошую партию в будущем. Завтра мы с тобой поедим к Анфисе Сергеевне в Павловское. Там будет ее племянник Мишель. Обрати на него внимание – это вариант существенный.

Симочка заплакала – так оскорбило ее нежную душу циничное словосочетание.

– Я не хочу «вариант»! Мне нравится Алеша!

Мать обняла дочку за плечи, платочком вытерла с ее ясных глаз слезы.

– Твой капитал – красота и невинность. Эти два товара на брачном рынке дороги, только когда продаются вместе. Прости, что говорю грубо, но это правда. Мне очень больно, что ты страдаешь. Но я хочу уберечь тебя от еще худших страданий. Ты мне веришь?

Всхлипывая, Сима кивнула.

– Ну тогда не будь жестокой. Не кружи молодому человеку голову. Пожалей его.

Дочь заплакала еще пуще, но это были рыдания уже иного регистра. В них звучало не тупое девчоночье упрямство, а взрослая скорбь по тому, чему сбыться не суждено.

На что Антония Николаевна была крепка сердцем, и то прослезилась.

Обнялись, немножко поревели. Потом госпожа Чегодаева сказала:

– Я знаю, ты у меня умничка.

А тем временем

А тем временем ни о чем не подозревавший Романов во второй раз допел про мирно спящий городок (правда, уже не с тем пылом и темп под конец немножко ускорил). Хлопали ему, как никогда. Он привык срывать аплодисменты на всякого рода любительских концертах, но сегодня действительно был в ударе и сам это чувствовал. Однако после исчезновения Симочки петь расхотелось, и даже овация вызвала одну лишь досаду.

Упорное невозвращение девушки могло означать только одно. Растаяв от страстного призыва, она ушла в сад и ждет там своего трубадура. Сейчас, наконец, всё решится!

Продолжать выступление Алеша отказался, показав на горло – мол, связкам требуется отдых.

Поклонился, хотел уйти – не тут-то было.

Сначала привязался какой-то господин в пушистой бороде, стал совать карточку. Назвался антрепренером музыкального театра и предложил попробоваться на Эскамильо – для второго состава.

Сказал:

– Всё знаю, вы студент университета. Но, батенька вы мой, этакий талантище в землю зарывать! Вам на сцену нужно. Собинов вон тоже юридический факультет окончил. А теперь какие тысячи зашибает!

– Так то Собинов, – пробормотал Алеша, слегка пятясь к двери.

Не успел отбиться от приставучего антрепренера – налетел дядюшка Жорж.

Хватать за локоть, и на ухо:

– Лешка, выручай, я опять... Тысячи на полторы подсел.

Георгий Степанович был присяжным поверенным по бракоразводным делам и мог бы жить не хуже, чем Лозинский, хозяин сей замечательной дачи. Если б не пагубное пристрастие к игре. Раз в год, по осени, дядя Жорж отправлялся в Висбаден, якобы на воды, на самом же деле не вылезал из казино и всякий раз возвращался совершенным банкротом. Остальную часть года расплачивался по векселям и копил гонорары на новый вояж. Что, впрочем, не мешало ему и в Питере играть по маленькой – он это называл «шпацирничать», от spazieren.[2 - Прогуливаться (нем.)]

– В преферанс? На целых полторы тысячи? – изумился Романов. – Вы, дядя, уникам.

– Чего ж ты хочешь? Дважды сгорел на мизере. А сейчас Ланге назначил, при тройной бомбе. Не выловим – игре конец. Я сказал, племянничек за меня посидит, а у меня срочный телефон. Спасай, Лешик. Они тебя не знают.

Как это было некстати!

Но не бросать же человека в беде. В конце концов Алеша у дяди уже третий год нахлебничал, с тех пор, как поступил в университет. Долг платежом красен.

Подшли к зеленому столу, за которым сидели трое партнеров Георгия Степановича.

– Вот он, мой суррогат. Алексей Парисович, тоже Романов, дорогой племянник. Вы его, господа, не обижайте, он еще птенец.

Всех познакомил и с деловитым видом убежал.

Партнеры, люди всё солидные, заядлые преферансисты, осмотрели Алешу и остались довольны. Застенчивый румянец, чистый лоб, наивный взгляд.

– Правила-то, Алексей Борисович, знаете? – поинтересовался господин Ланге. Судя по тому, что при виде зеленого юнца он заметно повеселел, мизер был не стопроцентный, с дыркой.

– Более или менее. Я не «Борисович», а «Парисович». Дед преподавал в гимназии греческий и латынь, вот и придумал имечко, – с привычной улыбкой поправил студент, раскрывая дядины карты. – Меня можно без отчества. Просто «Алексей».

Хм, а расклад-то интересный...

Господин напротив (чего-то там на «штейн», врач) спасовал.

– Вист, – сказал Алеша. Посмотрел карты партнера. Слегка наморщил лоб. – Э-э, да вы, господин Ланге, любите риск. А если вот так?

Зашел с восьмерки треф.

Ланге мучительно задумался. Сбросил семерку.

– Опрометчиво. – Студент поднял на него лучистые глаза. – Тогда берем вот эту и вот эту, а остальные, извините, ваши.

Сраженный трефовой девяткой, Ланге побледнел.

А Романов уже вскочил.

– Господа, прошу извинить. Совсем забыл, у меня срочное дело. Дядя сейчас вернется.

Штейн (Гольдштейн, Зильберштейн – что-то в этом роде) шутливо воскликнул:

– Что у вас за семейство – всё торопитесь!

Третий партнер, известный остроумец и либерал адвокат Локтев, поднес палец к губам:

– О семействе Романовых или хорошо, или ничего!

Остальные засмеялись. Алеша вежливо улыбнулся. К шуткам по поводу своей фамилии он привык.

Удерживать студента никто не стал. Лучше уж было сражаться с Георгием Степановичем.

Наконец-то Алеша был свободен.

Симу он нашел в саду, как и надеялся. Она стояла, прислонившись спиной к стволу дуба. Глаза мерцали в полумраке, будто две звезды (во всяком случае, именно такое сравнение пришло в голову влюбленному). Подойдя ближе, он понял причину этого чарующего феномена: оказывается, то блестели слезы. До чего же поэтичным должно быть сердце, способное так чувствовать музыку!

Качнувшись навстречу Алеше, девушка посмотрела на освещенные окна и повлекла молодого человека в самый дальний угол сада, весь заросший деревьями и кустами.

Поцелуй в губы... или больше? Вот единственное, о чем думал сейчас Романов. До сих пор ему удалось поцеловать Симу всего два с половиной раза, и то неубедительно: в щеку, в подбородок и в угол рта, по касательной.

Дойдя до самого забора, она обернулась. Остановила его, уже готового заключить ее в объятия, движением руки.

– Я должна вам кое-что сказать... Это важно.

И умолкла. Как же прелестно дрожали у нее губы!

Он опять к ней потянулся, но Сима отодвинулась и даже полуотвернулась.

– Какие недобрые сумерки... – Она зябко поежилась. – Помните?

«С слиянием дня и мглы ночной

Бывают странные мгновенья,

Когда слетают в мир земной

Из мира тайного виденья...»

Алеша не помнил, но предположил, что это Блок или Брюсов (Сима всегда цитировала Блока или Брюсова).

В третий раз он попробовал ее обнять, и опять она отшатнулась.

– Нет, нет, нет... Послушайте! Как дышит ночь!

Он послушал. Ночь дышала сладострастьем – в буквальном смысле. Что-то в ней вздыхало, охало и даже похрипывало. Или это ему померещилось? Алеша и сам немного задышался.

Однако в четвертый раз быть отвергнутым не хотелось. Взяв себя в руки, он спросил:

– Что вы хотите мне сказать?

– Сейчас... – Симочка никак не могла собраться с духом. – Ах, как кружится голова от аромата сирени! Сорвите мне вон ту ветку. Дотянетесь?

Ветка, самая пышная из всех, была высоковатой, но ради Симы он достал бы и луну с небес.

В сущности, можно было подставить пустой ящик (их у забора был целый штабель), но отчего же не продемонстрировать гимнастические способности? Даром что ли Алексей Романов был первым спортсменом своей гимназии, а ныне считался вторым, ну хорошо, пускай третьим, спортсменом всего Санкт-Петербургского императорского университета?

Ловко подтянувшись, он влез на бревенчатый забор. Встал (безо всякой опоры!), балансируя на узком жестяном навершии. Вот она, ветка, за ней еще и нагибаться придется.

Ночь дышала как-то слишком уж страстно. Причем кряхтение доносилось из вполне определенного места – снизу.

Алеша опустил взгляд.

Со стороны улицы под забором копошилась какая-то куча-мала. Вот откуда, оказывается, неслись сипы и хрипы!

– Эй, господа! – крикнул Романов, а, разглядев, что это трое мужчин навалились на четвертого, который отбивается из последних сил, повысил голос. – Трое на одного! Стыдитесь!

Спрыгнул вниз, рывком оттащил самого верхнего. Тот был в картузе, рубаше на выпуск – типичный хулиган из фабричных. А человек, которого били, между прочим, был приличный, в штиблетах с гамашами.

Пролетарий толкнул Романова в грудь, очень сильно и довольно больно. После чего, конечно, пришлось прибегнуть к помощи английского бокса.

Жаль, Сима не видела, какую шикарную плюху (поспортивному «хук») всадил Романов невеже в ухо. Тот мешком сел на землю.

Второй из хулиганов, приподнявшись, вцепился Алеше в галстук, да еще, сволочь, стал ногами лягаться.

Приличный господин, воспользовавшись неожиданной подмогой, отшвырнул последнего из своих недругов. Но дальше повел себя некрасиво. Даже не подумал придти благородному союзнику на помощь, а дунул со всех ног в сторону – и поминай, как звали.

– Алеша! Алеша! Что с вами? – пищала с той стороны Симочка.

А он и ответить не мог. Закрутили руки, зажали горло.

Вдоль забора бойко хромал усатый офицер, придерживал на боку саблю.

Ну держитесь, скоты, обрадовался Романов. Сейчас вам будет!

Офицер же закричал, обращаясь к одному из хулиганов:

– Взяли? Молодцы!

– Ушел, – сплюнув, ответил самый старый из налетчиков, с противной скуластой физиономией. – Вот, ваше благородие, один воротник в руке остался.

– А это кто?

– Пособник.

Ничего не понимающего Алешу схватили за шиворот крепкие руки в перчатках, потрянули.

– Кто такой? Немец?

– Русский. А что, собственно...

Не дослушав, офицер замахнулся кулаком, но ударить не ударил.

– У, мразь! Предатель!

И снова вцепился в лацканы, затряс так, что у бедного Алеши совсем помутилось в голове.

– Ваше благородие, гляньте, – сказал Лучников, держа у самых глаз воротничок сбежавшего резидента. – Никак буквы, китайские. Это метка из прачечной. Может, по ней найдем.

– Зачем нам прачечная? – Штабс-ротмистр Козловский справился-таки с нервами, расцепил пальцы. – Этот субчик нам всё расскажет.

Некий дом на тихой улице

Капитан Йозеф фон Теофельс из Первого (российского) управления Gro?e Generalstab[З - Большого генштаба (нем.)] провел бессонную, очень хлопотную ночь и на квартиру вернулся лишь под утро, весь в синяках и царапинах, с оторванным воротником и висящим на нитках рукавом. Выражение лица у него было рассеяннo-зaдумчивое.

Очень хотелось бы сказать про лицо этого необычного человека что-нибудь столь же неординарное, но, честное слово, нечего. Если было нужно, капитан умел превращаться в писаного красавца. Мог (опять-таки в случае необходимости) оборачиваться серым мышонком.

Есть люди, которых постоянно окликают на улице, потому что они обладают среднестатистической внешностью и их все время принимают за кого-то другого. Йозефа фон Теофельса (друзья называли его просто «Зепп», а для не-друзей у капитана было множество самых разных имен) частенько не узнавали в толпе даже знакомые. Вот какое это было лицо. Увидишь – через минуту забудешь.

Пока верный Тимо, охая и причитая, отклеивал накладную бороду, а потом смазывал и обрабатывал ссадины, капитан сидел смирно, на вопросы отвечал невпопад. Его мысли витали где-то далеко.

– Говорил ведь, не ходите один, добром это не кончится, – например, проворчал на простонародном швабском диалекте слуга. Росту в нем было два метра, так что над сидящим капитаном он сгибался чуть не пополам.

Зепп ему по-русски, без малейшего акцента:

– Сколько раз повторять, дурень. Даже с глазу на глаз разговаривать только на туземном наречии.

Тимо и заткнулся. Он был удручающе неспособен к иностранным языкам. Что такое «с глазу на глаз» и тем более «туземное наречие», не понял. Но общий смысл уловил. Надо сказать, старина Тимо был вообще мало на что способен. Зато некоторые вещи умел делать просто гениально. Капитан его ни на кого бы не променял. Этот увалень ухаживал за Зеппом с раннего детства, а предки Тимо прослужили в родовом замке Теофельсов, наверное, лет пятьсот.

* * *

Потом, весь намазанный зеленкой, жилец кормил птичек. Попугай Ники и ворона Аликс жили в двух роскошных клетках, висевших по ту сторону окна на основательных стальных тросиках, закрепленных под верхним наличником – даже злой балтийский ветер не сорвет.

– Здравствуйте, ваши величества, – поклонился птицам фон Теофельс и тр-р-р-р
– провел ногтем по железным прутьям.

– Рррросия уррра! – бодро откликнулся попугай.

Аликс просто сказала:

– Каррр!

По профессиональной привычке пробежав взглядом по улице и окнам напротив, Зепп остался вполне доволен. Ничего подозрительного.

Улица была тихая. Этаж третий. Над ним еще четвертый, оттуда раздавались неуверенные фортепианные гаммы. Там квартировал учитель музыки.

– Ходиль-ходиль, ночь пропадаль, я не шпаль, – не выдержал долгого молчания слуга. – Лицо битый, ein blauer Fleck.

– Синяк, – подсказал господин.

– Зиняк. Пришель – пустая рука.

– С пустыми руками.

– Кто лицо побиваль?

Зепп изобразил под носом тараканьи усищи:

– Какие-то господа из контрразведки. Князь Тараканов. Черт с ним, не в нем дело. Где спрятал папку наш футболист? Вот в чем вопрос. – Он забарабанил пальцами по раме. – Вынес из секретной части, но не с территории. Где же, спрашивается, папка? Крестик, что за крестик? Хм, ребус.

Он еще долго ходил по комнате – то молча, то снова принимаясь бормотать:

– Ребус, ребус... Из секретной части вынес... С территории не вынес... «Сами пойдете – сами найдете – сами возьмете»...

Тимо, не привыкший сидеть без дела, сортировал на столе принесенное из прачечной белье. Здоровенные костлявые ручищи сноровисто раскладывали сорочки к сорочкам, простыни к простыням.

Вдруг Зепп остановился и показал пальцем на крошечный лоскуток, пришитый к уголку наволочки.

– Это еще что? Вон то, белое?

– Китайский... Нови Wascherei...[4 - Прачечная (нем.)] Китайский человек пришиваль. Очень хороший китайский человек. Чистый, аккуратный. Любит порядок.

Выругавшись по матери, капитан разворошил весь сверток. Метки были всюду, даже на носках.

– Тяжело жить с идиотом, – пожаловался Зепп. – Из-за такой ерунды обычно и сгорают! Все спороть к чертовой матери! В эту прачечную больше ни ногой!

– Там остался четыре хороший Laken.[5 - Простыня (нем.)]

– Черт с ними.

Расстроенный Тимо засопел, но спорить не осмелился. Он достал странные вязаные гольфы – вместо стопы одна бретелька – и аккуратно скатал трубочкой.

– Ну конечно! – Фон Тефельс с размаху хлопнул себя по лбу. – Одиннадцатое! Эврика!

Наклонился, звонко чмокнул Тимо в щеку. Тот захолопал белесыми глазами. Последний раз Зепп поцеловал своего преданного слугу двадцать пять назад, когда пошел в первый класс гимназии.

В контрразведке

Студенту Романову этой ночью спать тоже не пришлось. Его непрерывно допрашивали.

Кошмарное недоразумение разрешилось лишь к утру.

– Угу. Угу, – мрачно хмыкал в телефонную трубку хромой штабс-ротмистр, глядя в протокол допроса.

На том конце провода надзиратель околотка, где был прописан Алексей Парисович Романов, сообщал сведения об арестанте. Всё совпадало. Сын личного почетного гражданина, уроженец Санкт-Петербургской губернии, православного вероисповедания, студент физико-математического факультета, под надзором не состоит, временно жительствоует у родного дяди, присяжного поверенного Г.С. Романова.

Собственно, и так было ясно, что мальчишка не при чем. Провал случился из-за нелепого стечения обстоятельств.

Лучников-то давно все раскумекал. Штабс-ротмистр еще на что-то надеялся – стучал по столу кулаком, задавал каверзные вопросы, а старший филер, даром что при задержании получил от студента по уху, уже заварил ему крепкого чаю и выдал пару баранок из своих запасов.

Теперь физико-математический кретин сидел напротив Козловского и с оскорбленным видом пил второй стакан.

Чтоб сбить с сосунка спесь, князь объяснил: по вашей вине провалена операция важнейшего государственного значения, упущен опасный шпион. А когда студент осознал свою вину и виновато заморгал густыми девичьими ресницами, штабс-ротмистр презрительно указал ему на дверь:

- Катитесь отсюда, рыцарь печального образа! Защитник униженных и оскорбленных! Сколько времени зря потрачено!

Мальчишка встал и снова сел.

- Господин офицер, но я не знал, что эти господа – агенты контрразведки, а тот человек – шпион! Вижу, трое бьют одного! Как бы вы сами поступили на моем месте?

- Сначала спросил бы.

- Я и спросил! Эй, говорю, вы что? А он меня кулаком в грудь!

Что было толку с ним препираться? В сущности, Романов не виноват. Это штабс-ротмистру судьба подгадила. Невзлюбила она за что-то лейб-кирасира. Как говорится, то по морде вlepит, то по харе, а то физию расквасит.

- Брысь отсюда! – рявкнул князь. – Глаза б мои вас...

Зазвонил аппарат – черный, для связи с начальством.

- Ну что, Козловский? – спросил его превосходительство.

Прибыл, стало быть. Пospал ночь в мягкой кроватке, скушал завтрак и к половине десятого, как положено, явился на службу. Сейчас будет кофей пить.

Ну, штабс-ротмистр его и порадовал. Резидент ушел, Рябцев убит, и это еще цветочки. Самое скверное, что предатель сделал список с Генерального плана развертывания. Где находится копия, неизвестно.

Пока генерал кричал и ругался, Козловский зажег папиросу. Пускал колечки дыма, смотрел в потолок. Иногда говорил в трубку:

– Так точно, сознаю... Никак нет, не надеюсь... А это как прикажете.

В паузе, когда его превосходительство после очередного риторического вопрошания задохнулся от чувств, штабс-ротмистр вставил то, что собирался:

– Глубину ответственности понимаю. Чего я не понимаю – с какой стати план развертывания оказался в Царском Селе, в штабе Гвардейского корпуса?

Начальник, похоже, первый пар уже выпустил. При такой комплектации долго гневаться трудно. Во всяком случае, ответил уже без ора:

– Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич с началом военных действий становится главнокомандующим. Такое решение принято еще весной.

Тогда понятно. Никник (как называли гвардейцы своего шефа) – мужчина обстоятельный. Затребовал документ, чтобы как следует подготовиться. Выходит, наши стратеги войну предвидели и до выстрела в Сараеве? Ладно, не нашего ума дело.

Козловский решил, что можно переходить к делу. Эмоциональная часть окончена.

По-прежнему разглядывая потолочную лепнину, он доложил о проведенной работе.

– Рябцев сказал (я сам слышал), что папку с планом он вынес из секретной части и спрятал в тайнике на территории штаба. С двух часов ночи до девяти утра мои люди произвели там предварительный осмотр. Потом пришлось прекратить, потому что на службу начали прибывать сотрудники. Да и всё равно, как его найдешь, этот тайник? Сами знаете, ваше превосходительство, там в ограде добрая сотня десятин. Чего только нет: штабные корпуса, гаражи, конюшни, плац, оранжереи, спортивный клуб... Я про клуб упоминаю, потому что в агентурной сводке на Рябцева написано: спортсмен, гол-ки-пер футбольной

команды.

Начальник переспросил про незнакомое слово.

– Голкипер? Понятия не имею, – пожал плечами Козловский. – Должность какая-нибудь. Выясним.

И вдруг слышит:

– Господин офицер, я знаю. Голкипер – это игрок, который в футболе «гол» защищает. Ну, на воротах стоит. Я сам на первом курсе...

Рассматривая потолок и сконцентрировавшись на тяжелом разговоре, про студента Козловский совсем запомнил.

Замахал на мальчишку рукой: уйди, уйди, не до тебя.

В дверь бесшумно проскользнул отлучавшийся Пантелей Иванович, успокоительно кивнул. Очень вовремя!

– Кое-что, правда, зацепили, – сказал штабс-ротмистр начальству. – Может, и найдем герра резидента. Люди работают.

В общем, закончил разговор на ноте сдержанного оптимизма.

Студент все топтался у дверей, не уходил.

– Простите, господин офицер, а что такое «Генеральный план развертывания»?

У Лучникова на лице появилось вопросительное, даже недоверчивое выражение. Смысл этой гримасы был для князя нелестен: неужто, ваше благородие, вы при постороннем вели такие разговоры?

Прав был фельдфебель, безусловно прав.

Но про план развертывания Романову объяснить все-таки следовало. Иначе, не дай Бог, начнет расспрашивать знакомых, всяких встречных-поперечных.

Едва сдерживаясь, Козловский проскрипел:

– Это документ огромной важности. В нем изложен весь порядок предполагаемых действий против Германии. И благодаря вашей дурачности этот план теперь может оказаться у немцев. Понимаете, что вы натворили? По крайней мере, хоть держите язык за зубами! Вашему слову можно верить?

Вид у студента сделался совсем убитый.

– Господи! Я очень виноват. Господин штабс-ротмистр, позвольте мне как-то исправить... Давайте я буду вам помогать. Я бесплатно, из одного патриотизма. Вы, может быть, думаете, я ни на что не годен? Я на велосипеде езжу, боксирую. Кстати, и в футбол играю. То есть раньше играл, хавбеком в университетской команде.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отдел генерал-квартирмейстера при Генштабе, среди прочего ведавший и военной контрразведкой.

2

Прогуливаться (нем.)

3

Большого генштаба (нем.)

4

Прачечная (нем.)

5

Простыня (нем.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/mladenec-i-chert>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)